

Наталья Польца
(Калининград)

ЧТО ГОВОРЯТ О ГРЕХЕ РУССКИЕ И ЛАТЫШСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Кто из вас без греха?
Ин 8:7

Рассматривается семантический объем понятий «грех / grēks» как ключевых в русской и латышской национальных картинах мира. На материале русских и латышских пословиц и поговорок выявляются базовые, универсальные представления о грехе и специфичные, национальные. Устанавливается, что русская ментальность в отличие от латышской отражает взаимодействие и частичную интерференцию христианской и народной картин мира, а понятие греха оказывается в зоне пересечения этих картин мира, что свидетельствует об их близости, но нетождественности.

Ключевые слова: национальная картина мира, пословицы, поговорки, понятие, христианство.

Понятие *грех* связано с представлениями о религиозно-нравственных законах, о высших ориентирах, которые определяют поведение людей разных национальностей и составляют наиболее важную часть национальной ценностной картины мира.

В христианской культуре *грех* понимается как всякое, свободное и сознательное, несвободное и бессознательное отступление (делом, словом или помышлением) от заповедей Божиих [1, с. 430].

Этимологические данные говорят о том, что в основе понятия *грех* лежат четыре идеи:

1) **идею жжения, горения** (как психофизического состояния). По мнению М. Фасмера, слово *грех* связано с глаголом *греть* или *гореть*, то есть *жжение (совести)*. Есть мнение и о развитии значения *грех* из первоначального *жжет совесть*, что является невозможным для праславянского, то есть дохристианского слова [4, с. 330];

2) **идею кривизны, изогнутости** (как отклонения от должного). Этимологи связывают происхождение праславянского слова **grěchъ* с индоевропейским корнем, означающим *кривой* [4, с. 330]. П. Я. Черных сопоставляет *грех* с литовским *graižyti* (*вертеть, крутить, гнуть*), *graižius* (*скрученный, изогнутый, искривленный*) [9, с. 216];

3) **идею ошибки, заблуждения**. П. Я. Черных возводит слово *грех* к общеславянскому **grěchъ* со значением *заблуждение, путаница, ошибка*, сравнивая его также с древнерусским словом *съгрѣза* (*ошибка*) [9, с. 216]. Павел Флоренский выражал согласие с теми, кто слово *грех* приравнивал к слову *огрех* [4, с. 330];

4) **идею грязи, нечистоты**. П. Я. Черных соотносит слово *грех* с древнерусским *грѣза* (*грязь*) [9, с. 216].

Латышское слово *grēks* было заимствовано из церковнославянского к XIII веку [11, с. 312], восходя, таким образом, к тем же четырем идеям: жжения / горения; кривизны / изогнутости; ошибки / заблуждения; грязи / нечистоты.

Анализируя лексикографические данные, можно говорить лишь о незначительных отличиях семантических объемов русского *грех* и латышского *grēks* [12, с. 320], объединенных общей идеей «отклонения, неправильности».

К XIX веку концептуальная область понятия *грех* значительно расширяется, включая в себя такие понятия, как «вина», «беда», «напасть» [6, с. 231–232], «распутство» [3, с. 994–996], «порок», «обман», «ложь», «недостатки», «слабости» [7, с. 388–394] и др. В XX веке многие словари отмечают в качестве устаревшего традиционное для христианства понимание *греха* как «нарушения религиозных предписаний» [Там же, с. 388–394].

В латышском языке к XVII–XVIII векам слово *grēks* обретает дополнительное значение «*nelaime*» (беда, несчастье). О том, что *grēks* связан с понятием беды, свидетельствуют и слова *udensgrēks* (наводнение), *ugunsgreks* (пожар), которые буквально можно перевести как «*грех воды*» и «*грех огня*» соответственно [11, с. 312]¹.

¹ Последнее – *ugunsgreks* – сохранилось в латышском литературном языке.

Пословицы и поговорки, где слово *грех* номинирует видовое понятие, имеют структуру *А есть грех* или *В не есть грех*, указывая на то, что конкретно является или не является *грехом*.

Русские и латышские пословицы, определяющие как *грех* конкретные действия и явления, можно распределить по тематике на группы «Воровство», «Прегрешение словом», «Богатство / бедность».

Воровство. Если латышская пословица просто утверждает, что *Zagt ir grēks* (*Красть грешно*) [10], то в русских пословицах и поговорках воровство хоть и осуждается, но видится как неизбежность: *Грех воровать, да нельзя миновать*². Провоцировать воровство не менее предосудительно, нежели воровать, поэтому вину вора разделяет и потерпевший: *Плохо не клади – вора в грех не вводи*. Более того, есть обстоятельства, когда воровство не признается ни *грехом*, ни даже самим воровством: *Солдату не грех поживиться; Солдат не украл, а просто взял*. Итак, если латышские пословицы выражают своего рода нравственную максиму, то в русских пословицах можно проследить некую тенденцию к оправданию *греха* (воровать – *грех*, но не всегда; ответственность лежит не только на воре и т. д.) и различению его «разновидностей» по тяжести.

Прегрешение словом. Русские и латышские пословицы и поговорки сходятся в двух представлениях:

1) *грехом* является ложь: *Всякая неправда – грех; Melot ir grēks* (*Врать грешно*);

2) речь считается почвой для невольной ошибки, каждое слово – потенциальным *грехом*: *Меньше говорить – меньше греха; Kas daudz runā, tas daudz grēko* (*Кто много говорит – много грешит*).

Особо стоит отметить пословицы и поговорки латгальского языка³. Так, латгальская пословица в качестве словесного *греха* выделяет еще *хвастовство* своими *грехами*: *Kas ir graks dariat, ab tu kauns ir nu runot* (*Делать – грех, а говорить об этом – стыд*); *Kas ar sovīm grākim lilejas, tās divkuorteigi grākoj* (*Кто своими грехами хвастает, вдвойне грешен*). Пословицей осуждается и *подстрекательство*: *Kas lod, tās grākā kōp* (*Кто подговорил, тот в грех попал*). То, что *грех* словом является более тяжким, чем прегрешение делом, отражает латышская пословица *Darītājam viens grēks, runātājam visi* (*Делавшему один грех, говорящему – все*). Приведенные пословицы связаны не столько с признанием *греховности* речи, сколько с осуждением греховных замыслов и утверждением ответст-

² Рассматриваемые в статье латышские пословицы и поговорки приведены по изданию [10], русские – по изданию [2].

³ Латгальский язык – историческая разновидность латышского языка, верхнелатышский диалект латышского языка.

венности, которая лежит на человеке, провоцирующем впадение другого в грех. В русских пословицах и поговорках подобная идея не встречается.

Богатство / бедность — эта тема широко и противоречиво представлена в русских пословицах. Так, большим *грехом* считается бедность: *Нет греха хуже бедности*. Другая пословица рассматривает бедность не как *грех* сам по себе, но как благотворную для греха почву: *Бедность не грех, но до греха доводит*.

Наравне с бедностью *грехом* называется и богатство: *Денег много — великий грех; денег мало — грешней того*. В этих пословицах прослеживается общая идея о связи богатства с областью *греховного*, возможно, восходящая к мысли о том, что оно (богатство) добыто несправедливым путем и является результатом *греха*.

С одной стороны, предпочтительно жить бедно, но праведно: *Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом; Нажитое грехом не устроит дом*. С другой — достаток может оправдать *грехи*: *Грехов много, да и денег вволю*.

Следующая пословица разделяет такие понятия, как *грех* перед Богом и *грех* перед людьми, тем самым разделяя и нормы жизни, установленные, соответственно, Богом и обществом: *Богатство великий грех перед Богом, а бедность — перед людьми*.

Тема связи *греха* с бедностью и богатством, так разнообразно запечатленная в русских пословицах, в латышских совершенно не отражена. Близкой к идее *греховности* богатства может быть идея *греховности* власти (в самом широком ее понимании): *Kam lieli spēki, tam lieli grēki* (*Большие силы — большие грехи*).

Принципиально различаются русские и латышские пословицы, имеющие структуру *В не есть грех*. Так, русские пословицы связывают *грех* с областью *этикетного*, а латышские — с областью *этического*.

Большинство пословиц русского языка данного типа говорят не о *грехах* и пороках, а о тех поступках, качествах и состояниях человека, которые могут вызывать осуждение с бытовой, этикетной точки зрения и не несут этической нагрузки, например: *Спрос не грех, отказ не беда; Кашляй век, греха в том нет; Малый смех — не велик грех; Молодость не грех, да и старость не смех*.

В латышских пословицах и поговорках *grēks*, напротив, всегда относится к области морали: *Citam labu darīt nav grēks* (*Делать добро другому — не грех*). Ряд пословиц обличают *лень* как один из *грехов*, что отражает исконно христианские представления: *Strādāt nav grēks* (*Работать не грех*), *Slinkums nebīstas no grēka* (*Лень греха не боится*); *Kas strādā, tas negrēko* (*Кто работает — не грешит*).

В русской культуре понятие *греха* имеет отношение к *идее искушения*. Человеческая воля согласно пословице может быть подвержена влиянию дьявольской силы, склоняющей человека к совершению *греха*: *Бес около ходит, на грех наводит*. Не только нечистая сила, но и окружающий материальный мир может «наводить на *грех*»: *Казенное на грех наводит; На дороге не клади, вора в грех не вводи*. Подталкивать к греху могут и люди (в этом случае на них отчасти перекалывается ответственность за совершение *греха*): *Навели на грех да и покинули на смех*. В пословице *Грех по дороге бѣг да и к нам забѣг* грех представлен самостоятельной силой, которая творит недостойное помимо воли человека, а то и без его участия. Приведенный материал иллюстрирует отражение в русских пословицах идеи слабости человека перед *грехом*.

Что касается латышской культуры, то тема искушения и причин, склоняющих человека к греху, не нашла отображения в корпусе пословиц и поговорок.

И в русской, и в латышской культуре *грех* связан с *областью удовольствия*. Так, в русской пословице *грех* сладкий, а в латышской — лакомый: *Грехи сладки, а люди падки; Kārums visu grēku sākums* (*Лакомство — начало всех грехов*).

В латышском языке в основе *греха* видится человеческая греховная *страсть*, сравниваемая с *огнем*: *Nekurini grēku uguni, ka tu pats līdzi nesadedzi* (*Не распалай огонь греха, чтобы самому не сгореть*), *No mazas dzirksteles tiek liels uguns, no taza grēka — liels grēks* (*Из искры возгорится пламя, из малого греха — большой*).

Подверженный *греху* человек в русском языке называется *грешником*, *греховодником*, а в латышском — *рабом греха*: *Kas grēku dara, tas ir grēka kalps* (*Кто грешит, тот раб греха*), что подчеркивает власть *греха* над человеческой волей.

Естественным для человека является желание избавиться от последствий *греха*, сделать сам факт его совершения незаметным для других: *Грех под лавку, а сам на лавку; Большой грех — в большой мех, маленькие грехи — в маленькие мехи*. Однако это желание неосуществимо: *Грех не уложить в мех. Грех, то есть сам поступок, оцениваемый как грех, всегда будет очевиден, его невозможно спрятать, укрыть, утаить; он не проходит бесследно, и результат его навсегда остается с человеком: Греха не смоешь; Грех (неправда) выйдет наружу. Любой грех так или иначе станет явным, его последствия и ответственность за него неминуемы: Согрешил — накрошил, и не выхлепать будет*.

Эти и другие пословицы, говорящие о неминуемости расплаты за совершенные поступки, о соизмеримости *греха* и наказания за него,

транслируют *идею Божественной справедливости*: *Каков грех, такова и расправа*. Кроме того, *грех* выступает как некий критерий оценки прожитой или проживаемой человеком жизни: *Все на свете по грехам нашим деется; Что ни творится над нами – все по грехам нашим*.

Латышские пословицы также акцентируют внимание на неизбежности и серьезности расплаты за *грехи*: *Ja grēka mērs pilns, tad nāk sods* (Когда мера греха полна, наступает расплата); *Katram grēkam ir savas sekas* (У каждого греха свои последствия); *Ikvienam grēku cilvēks var nožēlot* (Человек может пожалеть о каждом грехе). Совершенные *грехи* не забываются и не окупаются добрыми делами: *Cilvēka grēkus iekāļ akmenī, bet nopelnus ieraksta smiltīs* (Заслуги пишут на песке, грехи высекают в камне).

В христианской традиции *грех* неизбежно связан с *наказанием*. И русские, и латышские пословицы говорят о возможности как «внутреннего», так и «внешнего» наказания.

В русских пословицах чувство вины признается одной из форм наказания и проявляется как состояние душевного дискомфорта: *Кто виноват, тот и кается; кто согрешил, тот и мается*. Характерным является образ тяжести, метафорически выражающий степень душевного дискомфорта согрешившего: *Тяжело грех носить*.

В латышском языке *грехи* также связываются с последующей тяжестью, болью, саморазрушением: *Bēdz no grēkiem kā no čūskas, jo kad tu iesi klāt, tie tev dzels* (Беги от грехов, как от змеи, ибо как только приблизишься, они тебя будут жалить); *Akmeņi smagi, grēki vēl smagāki* (Тяжелы камни, да грехи тяжелее); *Grēcinieki ir savas pašas dzīvības ienaidnieki* (Грешники уничтожают свою жизнь); *Grēks ir lielākais ļauižu posts* (Грех – наибольший разрушитель людей); *Kam grēku daudz, tam spilvens ciets* (У кого много грехов, у того подушка тверда).

Помимо душевных терзаний *грех* влечет за собой и другие последствия. Например, в русской пословице слово *спина* через цепь метонимических соотношений выражает идею неизбежности, неотвратимости наказания: *Руки согрешили, а спина виновата*.

Согласно латышской пословице *grēks* может проявляться и во внешнем облике человека: *Jaunības grēki dara seju neglītu vecumā* (Грехи молодости уродуют лицо в старости).

Примечательно, что латгальский фольклор зафиксировал идею такого свойства *греха*, как способность передаваться из поколения в поколение: *Tāvu grākus pīmeklēs i pi bērniem* (Твои грехи и детям твоим припомнятся). Эта идея имеет глубокие ветхозаветные корни.

В русском языке идея расплаты за *грехи* связана также со страхом и ожиданием *смерти*: *Смерть по грехам страшна; Не бойся смерти, бойся*

грехов! Важно отметить, что мысль о смерти как о главном моменте расплаты за *грехи* удерживает человека от совершения греха: *Кто чаще смерть поминает, тот меньше согрешает.*

Покаяние свойственно каждому согрешившему: *Ни праведный без порока, ни грешный без покаяния.* Однако покаяние — сложный процесс, в ходе которого грешник должен осознать всю мерзость совершенного, смирить свою гордыню, искренне возжелать отпущения *греха*, поэтому представление о покаянии, выраженное в русских пословицах, сопряжено с представлением о мучении: *Грешить легко — трудно каяться.*

В латышских пословицах и поговорках идея покаяния выражена только в тех пословицах, где речь идет об исповеди и молитве: *Jo vairāk dievojās, jo skaidrāk uzrāda savus grēkus* (Чем больше божится, тем явственнее обнаруживает свои грехи).

Покаяние ведет к очищению от *греха*: *Кто покается, тот от греха избавляется.*

Идея спасения тесно связана с представлением о милости и сострадании: *Закрой чужой грех — Бог два простит.* Милость над грехом — что вода над огнем. Грех другого человека не должен влиять на отношение к нему: *С людьми мирись, с грехами бранись; С грешником мирись, с грехами бранись.*

Однако можно встретить и такую пословицу, согласно которой возможно в буквальном смысле откупиться от *греха*: *За обильное приношение и грехам прощение.*

Смысл пословицы *Невольный грех отпускается* противоречит каноническому христианскому канону, согласно которому *грехом* называется как вольное, так и невольное нарушение религиозных предписаний.

В латышских пословицах и поговорках внимание акцентировано на человеческом прощении, а не Божественном: *Kur grēks nav aizmirsts, tur grēks nav piedots* (Незабытый грех — непрощенный грех).

В корпусе русских пословиц и поговорок *грех* мыслится как **неизбежное испытание** для каждого человека: *От греха не уйдешь, а от беды не упасешься; Огонь без дыму, человек без греха не бывает; Кто Богу не грешен, царю не виноват* и др.

Грех тесно связан с **душой** как морально-нравственным «органом» человека, принимающим на себя *грехи*: *Сваха чужие грехи на душу принимает; Невинная душа непричастна греху.*

В латышских же пословицах *грех* связан с **душой** и **сердцем** человека: *Grēki skumdinā cilvēka sirdi* (Грех печалит человеческое сердце), *Dublī ar traīpa kurpes, grēki — sirdi* (Грязь пачкает башмаки, а грехи — душу). Интересно, что в последнем примере понятие *греха* связано с представлениями о **грязи, нечистоте души**.

Латышские пословицы связывают *grēks* с понятием *стыда* (*kauns*), что совершенно не характерно для русских пословиц и поговорок. Стыд является либо одним из последствий *греха*: *Kas nav grēks, tas arī nav kauns* (В чем нет греха, в том нет и стыда), либо его спутником: *Tas nebīstas ne kauna, ne grēka* (Не бойся ни греха, ни стыда). О стыде как о неизбежном следствии *греха* говорит латгальская пословица: *Grāks nas sovi kauni uz mugoras* (Грех свой стыд на спине несет).

Идея природной греховности человека звучит в пословицах, в которых каждый человеческий шаг определяется как потенциальный *грех* (Что ступили, то согрешили), вся человеческая жизнь представляется чередой *грехов* (Больше жить – больше грешить) и выводится равенство «живой = грешный» (Не грешит, кто гниет).

Латышские пословицы, в той или иной степени оправдывающие *грех*, можно разделить на две группы. К первой относятся пословицы побудительного характера, в которых утверждается, что в земной жизни (в отличие от загробной) грешнику можно уйти от наказания: *Nebīsties grēka pasaulē rīmes ir diezgan* (Не бойся греха, в мире места достаточно); *Ko tu bīsties grēku dēļ: ellē vietas diezgan* (Чего испугался греха, в аду места вдоволь). Вторая группа латышских пословиц эквивалентна русским, утверждающим, что греховность – неотъемлемое свойство человеческой природы: *Bez grēka neviens nav taisns ticis* (Без греха никто не праведник); *Neviena nava bez grēka* (Никто не без греха); *Kas nav grēkojis, tas arī nav dzimis* (У кого нет грехов, тот не родился).

Как показал проведенный анализ, и в русских, и в латышских пословицах нашли отражение христианские представления о неразрывной связи *греха*, искушения, наказания, спасения и божественной справедливости. В то же время очевидны национальные особенности отношения к *греху* и всей связанной с ним проблематике. Так, русская ментальность (в отличие от латышской) показывает тесное взаимодействие, частичную интерференцию христианской и народной картин мира. Понятие *греха* оказывается в зоне пересечения этих картин мира, свидетельствуя одновременно об их близости и нетождественности.

Список литературы

1. Васильев П. П. Грех // Христианство : энциклопедический словарь : в 2 т. М., 1993. Т. 1.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 2006.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1994. Т. 1.

4. Иванов М. С. Грех // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 12.
5. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) : в 10 т. М., 1988. Т. 2.
6. Словарь русского языка XVIII века. Л., 1989. Вып. 5.
7. Словарь современного русского литературного языка. М. ; Л., 1954.
8. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. М., 1989. Т. 1, ч. 1.
9. Черных П. Я. Грех // Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 т. М., 1993. Т. 1.
10. Birkerts P., Birkerte M. Latviešu sakāmvārdi un parunas. Rīga, 1997.
11. Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca: divos sējumos. Rīga, 1992.
12. Latviešu valodas vārdnīca. Rīga, 2006.

Natalya Polytsya

RUSSIAN AND LATVIAN PROVERBS AND SAYINGS ON SIN

This article examines the semantic scope of the notions of «зрех / grēks» as fundamental ones in Russian and Latvian worldviews. Russian and Latvian proverbs and sayings help identify the basic, universal ideas about sin, as well as particular, national ones. The author comes to a conclusion that the Russian mentality – unlike the Latvian one – reflects the interaction and partial interference between the Christian and folk worldviews, whereas the notion of sin is found in the intersection areas, which is indicative of their similarity rather than identity.

Key words: *national worldview, proverbs, sayings, notion, Christianity.*